

Таким образом, семантическое поле «пища» можно считать донорским для поля «характеристика субъекта собственности» и признать данную базовую семантическую модель продуктивной и регулярной для анализируемого сегмента лексики.

И. В. Ефименко
Киев (Украина)

Историческая антропонимия Новгородской земли (по материалам «Новгородских записных кабальных книг»). II

Представленный ниже словарный материал является фрагментом этимологического анализа фамильных прозваний новгородцев начала XVII в., проведенного в рамках научной темы «Сравнительное исследование восточнославянской исторической антропонимии (на материале черниговских и новгородских памятников письменности XVII в.)» [см.: Ефименко, 2002; Ефименко, 2004]. В основе этимологизируемых антропонимов прозвищного происхождения (самобытных по своей структуре и семантике) лежат диалектные апеллятивы, большинство из которых восходит к праславянскому слою лексики.

Базанин (Григорья Офонасьев сын *Базанин*, 1602 г., Шелонская пятина) – производное с притяжательным суф. -ин от прозвища *Базан(я)* (ср. Олеша *Базан*, 1629 г.). Относительно мотивации антропоосновы ср. рус. диал. (волог.) *базáнья*, *базан* ‘крикун, говорун, хвастун’, соотносимые с глаголом *базáнить* ‘громко кричать; громко плакать, реветь; шуметь; громко разговаривать; болтать и т. д.’ < прасл. *bazaniti.

Воропанов (Семен Григорьев *Воропанов*, 1604 г., Новгород) – патроним на -ов от прозвища *Воропан, которое восходит к праформе *vorapъ. Относительно гипотетической семантики антропонимной основы ср. генетически родственное блр. *варанáй* ‘несообразительный, бестолковый человек’, ‘слепой человек’.

Дубасов (Алексей Копосов *Дубасов*, 1604 г., Бежецкая пятина) – производное с посессивным суф. -ов от прозвища *Дубас* (ср. Машко *Дубас*, XVI в.), мотивированного рус. диал. (волог.) *дубáс* ‘дурак, балбес, дубина’ < прасл. *dobašъ.

Жеглов (Иван Федоров *Жеглов*, 1608 г., Новгород) – патроним на -ов от прозвища *Желый* или *Жегло* (ср. Андрей *Жогла*, 1506 г., Новгород). Изначальную семантику антропоосновы помогают восстановить рус. диал. (курск.) *жéглый* ‘поджарый, с длинным туловищем, на высоких ногах (о животном)’, (ворон.) *жéгла* ‘очень дерзкая, бранчливая женщина; выскочка’, восходящие к основе прасл. **žegl-*.

Забелин (Григорья *Забелин*, 1602 г., Никифор Темофеев сын *Забелин*, 1602 г., Андрей Меньшого *Забелин*, 1604 г., Бежецкая пятина) – притяжательная форма на -ин от прозвища *Забела* (например, Мишута *Забела* Андронов сын, 1491 г., Переяславль).

Относительно возможной мотивации антропонимной основы ср. рус. диал. (костром.) *забѣла* 'о человеке, служащем украшением семьи, общества или кружка'.

Колыгин (Овдийко прозвище Первуша Иванов сын *Колыгин*, 1602 г., Бежецкая пятина) – производное на *-ин* от прозвища *Колыга* (Гришка *Колыга*, 1639 г.), мотивированного рус. диал. (тверск., псков.) *колыга* 'скряга, сквалыга', деривационно связанным с *кол* < прасл. *koľь.

Куров (Сафка Васильев сын *Куров*, 1602 г., Деревская пятина) – патроним на *-ов* от прозвища *Кур* (ср. Ивашко *Кур* и Михалко *Кур*, 1495 г.; Иван Федоров сын *Кур*, 1605 г.). Относительно вероятной мотивации антропонимной основы ср. рус. диал. (твер.) *кур* 'петух', (псков.) 'о женихе' < прасл. *kurь.

Мазилев (Иван Гордеев *Мазилев*, 1602 г., Новгород) – посессивная форма с суф. *-ев* от прозвища *Мазило* (ср. Иван *Мазило*, 1564 г., Олонец), мотивированного рус. диал. (перм., твер., псков., вят.) *мазіло* 'грязнуля, пачкун; маляр; плохой иконописец; плохой охотник, делающий промахи на охоте; льстец' < прасл. *mazidlo.

Огарышев (Фетка Микифоров сын *Огарышев*, 1602 г., Деревская пятина) – производное на *-ев* от прозвища *Огарыш* (ср. Иван *Огарыш*, 1498 г., Новгород), мотивированного рус. диал. (псков., арханг.) *ога́рыш* 'об очень смуглом или сильно загоревшем человеке', (твер.) 'о толстом низкорослом человеке', которое деривационно связано с *огар* < прасл. *obgarь.

Отяев (Яков Дмитриев сын *Отяев*, 1602 г., Шелонская пятина) – дериват с суф. *-ев* от прозвища *Отяй* (ср. Федор Борисович *Отяй* Хвостов, начало XV в.). Относительно семантической мотивации ср. рус. диал. (новг.) *отяй* 'прозвище', (арх., псков.) *утя* 'лентяй, лентяйка', соотносимые с глаголами *отяти/обтяти* 'отбить, отломать, отсечь, отрезать, отрубить' < прасл. **o(b)lęti*.

Паршаков (Василей Игнатьев сын *Паршаков*, 1602 г., Деревская пятина) – патроним на *-ов* от прозвища *Паршак* (ср. *Паршак*, 1545 г., Новгород), мотивированного рус. диал. (смол.) *парша́к* 'о слабосильном человеке', которое деривационно связано с прасл. **pr̥ša* (< **pr̥x-j-a*).

Перепечин (Третьяк Ондреев сын *Перепечин*, 1602 г., Бежецкая пятина) – притяжательная форма на *-ин* от прозвища *Перепеча* (ср. Иван Мартемьянович *Перепеча*, 1526 г., Суздаль). Относительно возможной мотивации антропонимной основы ср. рус. диал. *перепéча* (курск.) 'о ленивом человеке, бездельнике', (заурал.) 'о толстой неповоротливой женщине', (смолен.) 'о важной, надменной женщине'.

Шуйгин (Агей и Андрей Фомины *Шуйгины*, 1600 г., Новгород) – дериват с посессивным суф. *-ин* от прозвища *Шуйга* (ср. Ивашко *Шуйга*, 1500 г.; Ходор *Шулга*, 1601 г.; Васка *Шулга*, 1629 г.) – фонетически видоизмененная форма, восходящая к прасл. *szlga. Относительно мотивации антропоосновы ср. рус. диал. (перм., арх.) *шульга́* 'левая рука; левша, культя'.

Щербачев (Сулеша *Щербачев*, 1602 г., Шелонская пятина) – патроним на *-ев* от прозвища *Щербач* (ср. Дмитрий *Щербач*, 1495 г., Новгород), который мотивирован соответствующим апеллятивом, ср., например, блр. диал. *шчарба́ч* 'беззубый человек' < прасл. *ščьrbačь.

Єфименко І. В. Етимологічні нотатки з антропонімії давньої Новгородщини (за матеріалами «Новгородских записных кабальных книг») // Студії з ономастики та етимології. 2002. Київ, 2002. С. 93–104.

Єфименко И. В. Историческая антропонимия Новгородской земли (по материалам «Новгородских записных кабальных книг») // Сельская Россия: Прошлое и настоящее. Докл. и сообщ. IX Рос. науч.-практ. конф. (Москва, декабрь, 2004). Вып. 3. М., 2004. С. 464–465.

Р. Г. Жамсаранова
Чита

Явления трансференции и интерференции в топонимической системе Восточного Забайкалья

Доклад посвящен явлениям трансференции и интерференции в топонимической системе, где наблюдается исторически обусловленная этнолингвистическая преемственность топонимов. Идеографическое описание массового микротопонимического регионального топонимикона позволяет обнаружить явление трансференции, обуславливающее процесс перехода из поколения в поколение, от народа к народу географических названий отдельной территории. Интерференция имеет место тогда, когда элементы структуры одного языка проникают в другой, что вполне естественно в условиях межэтнических и языковых контактов. Эти языковые явления по-разному отражают ситуацию номинации, оказывая при этом свое влияние на семантику заимствованного названия. Кроме того, они способны опосредовать вторичную номинацию топонима в синхронном аспекте.

Любой региональный ономастикон обнаруживает языковые явления интерференции и трансференции, обусловленные естественностью лингвоэтнических контактов. Топонимическая система Восточного Забайкалья, как и топонимия любого другого региона, представляет собой сложную систему географических имен собственных, включая и названия субстратного происхождения. Несомненный интерес вызывает деэтимологизация субстратных топонимов, где всегда есть место моментам семантического переосмысления.

«Восстановить» первичный смысловой и лексический облик субстратного топонима возможно и более вероятно при осмыслении явлений трансференции и интерференции. Географическая терминология является в большинстве случаев основой топонима, переходя в некоторых случаях и в терминологический корпус контактного языка, даже неродственного. Данное явление также обуславливает возникновение каких-либо «новых» номинативных признаков. Эти очевидные, просто объясняемые номинативные признаки на проверку оказываются одним из механизмов «приспособления» иноязычных топонимов к гетерогенной региональной топонимической системе.

В региональной системе Забайкалья при лексико-семантическом описании монгольского стратиграфического пласта обнаружили явления интерференции, ког-